

АНДРЕЙ ГРАЧЕВ

ПОТЕРЯННЫЙ МИР

ПОЧЕМУ СЕГОДНЯ
ИДЕТ ВОЙНА

Андрей Серафимович Грачёв

Потерянный мир. Почему сегодня идет война

Серия «Свидетель эпохи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69466420

Грачев, Андрей Серафимович. Потерянный мир. Почему сегодня идет война: Эксмо; Москва; 2023

ISBN 978-5-04-189837-3

Аннотация

Как случилось, что мы подошли к порогу ядерной катастрофы? Кто поставил под угрозу основы мирной жизни, купленной миллионами жертв Второй мировой и первой холодной войн? Вернитесь в недавнее прошлое, чтобы понять, почему сегодня идет война – «Потерянный мир» перенесет вас туда! Погрузитесь в хитросплетения дипломатии и геополитики последних 80 лет с помощью этого пронизательного очерка. Написанная помощником и последним пресс-секретарем Президента СССР М.С. Горбачева Андреем Грачевым, участвовавшим в переговорах на высшем уровне, положивших конец первой холодной войне, эта книга предлагает уникальный взгляд на корни сегодняшних конфликтов. Получите беспрецедентное представление о том, почему зазвучали сирены

новой мировой войны и как мы можем использовать эти знания для формирования более безопасного будущего и не повторить ошибки прошлого.

В книге:

- краткая история первой холодной войны, унесшей жизни около 50 миллионов человек в десятках конфликтов второй половины XX века;

- размышления на тему, почему было ошибкой надеяться, что в XXI веке наступит эпоха прочного и вечного мира;

- анализ причин того, как в течение последних 30 лет мир неуклонно сползал к новой глобальной войне.

«Основательные аналитические труды по глобальной геополитике – редкость. Вот один из них. С позиции аналитика – после того, как он был участником исторических событий... – Андрей Грачев вполне может судить о состоянии международных отношений сегодня в свете того, что было вчера, и прогнозировать, что произойдет завтра». – Доминик Видаль (monde-diplomatique.fr)

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Война после войны	10
Синий карандаш	10
Союзники-соперники	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Грачев

Потерянный мир. Почему сегодня идет война

© Грачев А.С., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Введение

Каждая горячая война заканчивается либо гибелью кого-то из участников, либо миром между ними. Холодная война не приносит ни мира, ни чести тем, кто ее ведет.

Неизвестный испанский автор XIV века о войнах между христианами и мусульманами

Считается, что холодная война началась с речи о «железном занавесе», произнесенной Черчиллем в Фултоне 6 марта 1946 года. Однако для нас холодная война с западными союзниками началась, как только Красная армия начала освобождать Восточную Европу.

Павел Судоплатов, руководитель Отдела специальных операций НКВД в эпоху Сталина

Нередко, включая телевизор, просматривая заголовки газет или сообщения агентств, освещающих события в мире, невольно задаешь себе нелепый вопрос: «А в каком все-таки веке мы живем?» Борис Пастернак сформулировал его более выразительно: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?»

Разумеется, легко успокоиться, проверив дату на календаре: мы действительно живем в XXI веке, и прошло больше 20 лет после того как мы перевернули страницу века XX с его двумя мировыми войнами, с его Освенцимом и Гулагом, Хиросимой и Чернобылем. Все это, к счастью, безвозвратно,

ушло в прошлое.

То же можно было бы сказать и о холодной войне, длившейся более 50 лет – больше, чем две горячие войны, вместе взятые, – с ее «железным занавесом», Берлинской стеной, ее кризисами, ее шпионами, «пришедшими с холода», перебежчиками и диссидентами и особенно угрозой ядерного апокалипсиса. Перекочевав в учебники истории, эти сюжеты перестали интересовать даже сценаристов Голливуда.

Отчего же возникает странное ощущение того, что мы до конца не расстались с прошлым, что оно преследует нас, как навязчивый кошмар, будто нас захлестнула петля времени, которая заставляет нас вновь и вновь переживать прошлое, как переживал его персонаж Билла Мюррея в фильме «День сурка»?

В разгар холодной войны ассоциация ученых-атомщиков при Чикагском университете начала регулярно публиковать в своем «Бюллетене» изображение циферблата, стрелки которого показывают, сколько минут осталось до ядерного катаклизма. Это были так называемые Часы Судного дня, на которых полночь означает конец света. Во время кризисов в отношениях между супердержавами стрелки часов передвигали, чтобы показать: до апокалипсиса осталось меньше пяти минут или даже меньше трех минут. В периоды разрядки стрелки отодвигали. После падения Берлинской стены время на циферблате благостно показывало 17 минут до полуночи. Однако на последнем циферблате, опубликованном в

2022 году, стрелки опять вернулись в угрожающую позицию: «менее трех минут».

Сталкиваясь с возвращением призраков прошлого, политики и эксперты часто прибегают к аналогиям. Некоторые проводят параллель с Берлинским кризисом 1948–1949 годов или размещением советских ракет на Кубе в 1962 году. Другие вспоминают 1914 год и эскалацию соперничества между великими державами, которая привела к Первой мировой войне.

Но все больше и тех, кто считает, что сегодня риск мирового конфликта гораздо выше, чем в прошлую эпоху, когда стабильность обеспечивалась ядерным равновесием bipolarного мира. К тому же надо учитывать, что на международной сцене не только появилось множество новых актеров (как государственных, так и негосударственных), но возросло число разнообразных кризисов, опасно понижающих «уровень» возможного развязывания конфликтов планетарного масштаба.

Еще со времен Клаузевица мы знаем, что война – есть не что иное, как продолжение политики другими средствами. Однако не переживаем ли мы сейчас эпоху, когда политика превращается в служанку активных или тлеющих войн, которые могут стать чуть ли не естественным состоянием международных отношений, в то время как периоды мира сведутся к краткосрочным паузам между ними?

Мы не знаем, сколько еще времени осталось у челове-

чества, чтобы избежать этой мрачной перспективы. Было бы полезно поэтому постараться извлечь основные уроки из недавнего прошлого и для этого проанализировать еще неостывший итог последней холодной войны.

Вот основные вопросы без ответа, которые она нам оставила:

Почему и когда началась холодная война?

Закончилась ли она на самом деле?

Не обречены ли мы повторить ее вновь?

Эти вопросы могут показаться банальными. Но, постаравшись на них ответить, мы хотя бы лишим алиби новые поколения политиков. Они уже не могут сказать: «Мы не знали» или «Нас не предупредили». Возможно также, что само напоминание об основных этапах и характеристиках этой «странной» войны может помочь им и нам вместе с ними не попасть в ловушку нового варианта, который примет холодная война-2 с риском превратиться в горячую и мировую.

Глава 1. Война после войны

Россия – это загадка, завернутая в секрет и обернутая в тайну. Но у нее есть ключ. Этот ключ – национальный российский интерес.
Уинстон Черчилль

Должен вам заявить, что речь идет не только о разочаровании советского правительства, но и о доверии к нашим союзникам, которое подвергается серьезным испытаниям.
Иосиф Сталин. Письмо, направленное Черчиллю и Рузвельту 24 июня 1943 года после объявления об очередной отсрочке открытия второго фронта

Синий карандаш

Она на самом деле была «странной», эта война, которую называли холодной. В действительности ее единственное отличие от горячей в том, что она не превратилась в коллективное американо-советское самоубийство. В остальном, начиная с числа жертв (более 50 млн – приблизительный итог примерно 150 конфликтов, разыгравшихся после 1945 года во всем мире), она могла претендовать на титул официальной наследницы двух горячих войн XX века.

По некоторым аспектам холодная война даже превосходит

характеристики двух своих старших сестер: она длилась почти полвека – больше, чем две мировые, вместе взятые. И, в отличие от них, охватила практически все страны мира.

Другая странность этой войны – в том, что трудно с точностью определить ее начало и конец (если считать, что она закончилась). Эта трудность связана с особенностями этой войны, начавшейся между союзниками в то время, когда они еще вели совместную борьбу за выживание против общего врага.

Отсюда расхождение в датах ее возникновения. Если чаще всего в качестве рубежа ее начала называют промежуток между весной 1946 года (речь Черчилля в Фултоне) и летом 1947 года (отказ Сталина от советского участия в Плане Маршалла), есть немало оснований для того, чтобы отнести ее первые залпы в предыдущие годы. Например, в август 1945 года.

Она на самом деле была «странной», эта война, которую называли холодной. В действительности ее единственное отличие от горячей в том, что она не превратилась в коллективное американо-советское самоубийство. В остальном, начиная с числа жертв (более 50 млн – приблизительный итог примерно 150 конфликтов, разыгравшихся после 1945 года во всем мире), она могла претендовать на титул официальной наследницы двух горячих войн XX века.

Так, по мнению многих историков, первое испытание аме-

риканской атомной бомбы с кодовым названием «Малыш» в пустыне Невады, произведенное 16 июля 1945 года, объяснялось не только намерением Трумэна произвести впечатление на Сталина в день открытия Потсдамской конференции, но и сыграть роль первого выстрела в предстоящем конфликте между двумя главными победителями только что закончившейся войны в Европе.

Хотя, если покопаться в истоках холодной войны, следует отступить в более раннее прошлое, например, вернуться к встрече Сталина и Черчилля в Кремле 10 октября 1944 года, когда британский премьер-министр удивил советского руководителя, передав ему листок бумаги с набросанными на нем несколькими строчками. В них он перечислил некоторые страны Восточной Европы и Балкан, показав зоны влияния СССР и Запада после окончания войны в виде двух столбиков цифр.

Согласно его предложению, Советский Союз получал 90 % контроля над территорией Румынии и 75 % Болгарии. В обмен на это под полный контроль Запада переходила Греция. Югославия и Венгрия делились пополам. Впоследствии, оправдываясь за некоторую прямолинейность предложенной «сделки», Черчилль объяснял ее желанием обеспечить гарантии принадлежности Греции к зоне британского влияния.

Дождавшись перевода комментария английского премьера к этому листку, «дядя Джо» (прозвище Сталина в англий-

ской прессе) после короткого раздумья, взяв в руку свой неременный синий карандаш (возможно, такой же, как тот, что он использовал на переговорах с Риббентропом летом 1939 года, когда уточнялась разграничительная линия между советской и германской сферами влияния), поставил «галочку» в знак одобрения.

Когда Черчилль, одновременно удовлетворенный полученным результатом и несколько смущенный всей процедурой, предложил уничтожить листок, Сталин возразил: «Нет, сохраним его». Таким образом была определена значительная часть трассы будущего «железного занавеса», с обличением которого Черчилль выступил два года спустя в своей речи в Фултоне. Важная деталь: Черчилль не сообщил об этом соглашении своим американским союзникам, которые узнали о нем от советских партнеров.

Есть историки, готовые отнести начало холодной войны к еще более раннему прошлому. Так, Уолт Ростоу, советник по вопросам национальной безопасности при президентах Кеннеди и Джонсоне, относит начало холодной войны к зиме 1943 года, связывая ее с разгромом гитлеровских войск под Сталинградом.

Может показаться странным, что это решающее событие в истории Второй мировой войны, предопределившее будущее поражение нацизма и победу союзников, могло стать точкой отсчета разрыва их боевого союза. Однако, если глубже проанализировать историю формирования антигитлеров-

ской коалиции и особенно противоречивый характер этого союза между главными западными демократиями и жестоким тоталитарным режимом, станут понятны причины ее хрупкости.

Ведь не надо забывать, что речь шла о союзе, продиктованном исключительными обстоятельствами: непримиримые соперники оказались вынуждены объединиться, несмотря на фундаментальные расхождения, чтобы противостоять смертельной опасности, которую для обоих представляло абсолютное Зло нацизма. Будучи яростным антикоммунистом, Черчилль заявлял, оправдывая свой союз со Сталиным, что если бы для победы над Гитлером ему понадобилось заключить союз с дьяволом, он нашел бы в нем «некоторые позитивные черты».

Несмотря на различия в ответах на вопрос о причинах холодной войны, очевидно одно: распад столь искусственной коалиции был неизбежен. Достаточно напомнить двусмысленный характер взаимоотношений между будущими членами коалиции накануне войны, чем Гитлер в полной мере воспользовался. Речь идет о взаимном глубоком недоверии, характерном в те годы для отношений Лондона и Парижа, с одной стороны, и Москвы – с другой. Каждый рассчитывал использовать нацистского монстра, подталкивая его в сторону соперника.

В этом состоял смысл их сепаратных попыток договориться с гитлеровским режимом, которые принимали форму сна-

чала мюнхенских договоренностей 1938 года, заключенных с Гитлером Чемберленом и Даладье за счет Чехословакии, и год спустя – пакта Молотова – Риббентропа, подписанного в Москве в августе 1939 года. Как напоминал Генри Киссинджер, Риббентропа, возвратившегося в Берлин с фактическим согласием Сталина на германскую атаку против Польши, Гитлер назвал «вторым Бисмарком».

За этими символическими вехами, отмечавшими путь к неизбежной войне, скрывались взаимные подозрения, отражавшие противоположные идеологические позиции. Для Сталина все страны Запада, – будь то с демократическими режимами, как Англия и Франция, или нацистским, как Германия, и фашистским, как Италия, – были «мазаны единым мирром» и являлись классовыми врагами советской системы. Их различали нюансы, но в любой момент они могли объединиться для атаки против СССР.

Поэтому стратегия Сталина сводилась к простой формуле: лучше оставаться в засаде в ожидании возможного конфликта его западных соперников (а если удастся, то его ускорить), чем оказаться лицом к лицу с единым фронтом противников оплота мирового коммунизма. Неожиданно стремительное поражение Франции в 1940 году нанесло удар по его стратегическим расчетам. Сталин надеялся, что немцы увязнут в войне против Франции и что две страны взаимно истощат друг друга.

Для западных демократий, напротив, Сталин и Гитлер,

главы двух диктаторских режимов, представляли собой почти одинаковую угрозу. Отсюда интерес столкнуть их лбами в военном конфликте.

Гитлеру удавалось воспользоваться этими противоположными расчетами до того момента, когда он, воодушевленный легкими победами на западе Европы, пустился в безумную авантюру, объявив войну сразу на разных фронтах: атаковав сначала Советский Союз, а затем спустя полгода Америку, дав всем жертвам своей агрессии повод объединиться.

Гитлеру удавалось воспользоваться этими противоположными расчетами до того момента, когда он, воодушевленный легкими победами на западе Европы, пустился в безумную авантюру, объявив войну сразу на разных фронтах: атаковав сначала Советский Союз, а затем спустя полгода Америку, дав всем жертвам своей агрессии повод объединиться.

Естественно, что этот союз, спровоцированный самим Гитлером, не пережил исчезновения главного фактора, который его сплачивал, — страха перед тем, что нацизм уничтожит двух главных противников, которым он бросил вызов: как западную демократию, так и коммунизм.

Тем не менее с самого начала вопреки объединявшей их солидарности отношения между членами Большой Коалиции, созданной в 1942 году, были далеко не гармоничными. Сталин не питал иллюзий относительно намерений его союзников: «Западные страны стремятся прежде всего перело-

жить основной груз войны на Красную армию... Они хотели бы, чтобы мы истекали кровью, чтобы потом диктовать нам свои условия», – говорил он в своем окружении. Раздраженный постоянными отсрочками открытия второго фронта в Европе, он говорил осенью 1942 года: «Они надеются, что мы потерпим поражение в Сталинграде».

По замыслу Гитлера, взятие Сталинграда должно было послужить трамплином к началу получившей название «Удар грома» кампании 1943 года, целью которой было развернутое наступление в направлении Кавказа. Эпическая битва под Сталинградом, в результате которой к февралю 1943 года были окружены и уничтожены 6-я армия вермахта под командованием Паулюса и 4-я танковая армия, стала переломным моментом не только в ходе Второй мировой войны, но и последующей европейской истории.

Уже к 23 ноября в результате наступления трех фронтов в котле под Сталинградом оказались в общей сложности 22 дивизии с численностью в 300 000 человек. Попытки срочно отозванного Гитлером из-под Ленинграда корпуса фон Манштейна прорвать окружение не дали результата. К Рождеству 1943 года стало очевидно, что попытки высвободить армию Паулюса из окружения обречены. Несмотря на это и следуя приказу фюрера, Паулюс отверг сделанное ему 8 января предложение капитулировать.

Исчерпав все возможности спасти попавшую в окружение армию, Гитлер по случаю десятилетия своего прихода к вла-

сти 30 января произвел Паулюса в фельдмаршалы. Это не помогло. На следующий день группа «Юг» капитулировала. Группа «Центр» последовала за ними 2 февраля.

Только в декабре-январе в боях за Сталинград гитлеровцы потеряли больше тысячи самолетов, сто сорок семь тысяч убитыми и больше ста тысяч человек пленными, среди которых было 2500 офицеров и 24 генерала. В эти же дни советским войскам удалось пробить подступы к осажденному Ленинграду.

Разгром нацистов в сражении под Сталинградом вышел далеко за рамки стратегического и даже психологического рубежа в ходе войны, поскольку ознаменовал перелом в триумфальном продвижении вермахта к победе, казавшейся неизбежной.

Продemonстрировав способность Красной армии не только остановить агрессора, но и нанести ему сокрушительное поражение, эта победа предвещала ее способность самостоятельно одолеть врага и, преследуя его, повторить триумфальное шествие армии Александра I вплоть до Парижа в 1814 году. Опасаясь вторжения советских войск в Западную Европу, Черчилль сказал после Сталинграда: «Будет подлинной катастрофой, если русское варварство затопит нашу культуру и поставит под вопрос независимость государств Старой Европы».

Сразу после Сталинграда интонация западных партнеров в общении со Сталиным начинает меняться. Уже в январе

1943 года по итогам своей встречи в Касабланке Рузвельт и Черчилль информировали советского руководителя о том, что они намерены добиваться безоговорочной капитуляции Германии и пообещали предпринять интенсивные бомбардировки немецких позиций в течение 1943 года.

Сталинград окончательно снял их колебания относительно открытия второго фронта. Однако даже после Сталинграда до победы еще было далеко, и Запад нуждался в советской поддержке. Вот почему обе встречи союзников в верхах с участием Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране в ноябре и декабре 1943 года, а затем в Ялте в феврале 1945 года прошли в атмосфере подчеркнутого боевого товарищества, почти братства.

Перед Тегераном разногласия между ними сохранялись лишь по поводу места высадки войск в Европе. Черчилль даже по дороге в Тегеран продолжал убеждать Рузвельта начать вторжение на Балканах или на юге Италии. Дочь Рузвельта Эллиот, сопровождавшая его в поездке, написала в своих мемуарах: «Всякий раз, когда премьер-министр заводил речь об открытии второго фронта на Балканах, нам было понятно его желание вклиниться в Центральную Европу, чтобы отсечь Красную армию от Австрии, а также Румынии и Венгрии».

Однако Рузвельт, не желавший соглашаться на любую акцию, которая могла отвлечь силы от запланированной операции «Оверлорд», поддержал Сталина. В результате Тегеран

закончился подписанием совместного документа, содержавшего обязательство союзников СССР открыть второй фронт в соответствии с пожеланием Сталина высадкой союзников на атлантическом побережье Нормандии.

Прибыв в Тегеран, Черчилль и Рузвельт заверили Сталина, что высадка войск состоится в мае 1944 года. Черчилль поднял тост за «великого Сталина», достойного наследника Петра I и, отмечая победу в Сталинградской битве, вручил ему от имени короля Георга V меч, который Сталин, как истинный кавказец, торжественно поцеловал.

Прибыв в Тегеран, Черчилль и Рузвельт заверили Сталина, что высадка войск состоится в мае 1944 года. Черчилль поднял тост за «великого Сталина», достойного наследника Петра I и, отмечая победу в Сталинградской битве, вручил ему от имени короля Георга V меч, который Сталин, как истинный кавказец, торжественно поцеловал.

В качестве другого подарка «дяде Джо» Черчилль с Рузвельтом объявили о своем согласии признать линию Керзона (предложенную союзниками в 1919 году в конце Первой мировой войны) в качестве восточной границы Польши. Настаивая на ней вопреки возражениям находившегося в Лондоне польского правительства в эмиграции, Сталин говорил, что Советский Союз не может пойти на меньшие уступки в этом вопросе, чем те, что лорд Керзон, министр иностранных дел Британии, был готов предоставить большевикам в

1919 году. В качестве компенсации Польша должна была получить «западные территории» до Одера и Нейсе.

В предчувствии близкой победы Черчилль с несвойственным ему энтузиазмом даже выразил Сталину пожелание: «Я хотел бы, чтобы мы могли встречаться раз в неделю». Рузвельт со своей стороны пообещал советскому вождю: «После нашей общей победы над державами «оси»¹ мы сможем предоставить вашей стране кредит в несколько миллиардов долларов».

Атмосфера дружеских отношений и политической разрядки подтвердилась и во время конференции «тройки» в Ялте на берегу Черного моря, за три месяца до капитуляции Германии.

Отправляясь в Ялту две недели спустя после своего избрания на четвертый президентский срок, Франклин Рузвельт уже был тяжело болен. После остановки на Мальте он вместе с Черчиллем вылетел в Крым, и 3 февраля после утомительной пятичасовой поездки на машине наконец добрался до Ялты.

Военно-дипломатический эскорт Рузвельта и Черчилля составлял 700 человек. По свидетельствам военных, сопровождавших Рузвельта, их главным опасением было то, что стремительное продвижение советских войск на восточном фронте позволит им завершить войну до того, как закончит-

¹ Страны «оси» (ось Берлин – Рим, позднее: Берлин – Рим – Токио) – страны гитлеровской коалиции. – *Примеч. ред.*

ся конференция.

Для американского президента встреча в Ялте была важна по двум причинам. Она позволяла американцам, получив от Сталина обещание того, что Красная армия после разгрома Германии выступит против японцев, ускорить окончание военных действий на Тихом океане. Кроме этого американский президент рассчитывал вместе со своими партнерами по антигитлеровской коалиции наметить контуры нового мирового порядка, основанного на демократии и международном праве.

В качестве старейшины, к которому с подчеркнутым почтением относились оба его партнера, Рузвельт председательствовал на сессиях конференции и брал на себя выработку компромиссных решений. Быстро получив от Сталина обещание вступить в войну против Японии через три месяца после капитуляции Германии (вопреки договору о ненападении, подписанному двумя странами в апреле 1941 года) и его поддержку американского проекта создания ООН, Рузвельт считал, что основные цели конференции достигнуты.

Сталин поддержал формулу Рузвельта, которая предполагала, что ООН должна функционировать на основе принципа единогласия пяти главных держав-победительниц (включая Францию и Китай). В обмен он получил согласие Рузвельта и Черчилля на приглашение в Сан-Франциско в качестве государств-основателей ООН Украины и Белоруссии, что позволило СССР, как главной жертве гитлеровской

агрессии, получить в ООН три голоса.

Более конкретные вопросы, касавшиеся, главным образом, Европы, такие, как раздел Германии (и Австрии) на оккупационные зоны или создание нового руководства в Польше, объединявшего представителей двух правительств, находившихся в изгнании в Люблине и в Лондоне, – воспринимались Рузвельтом как второстепенные. Они не должны были нарушать доверие, установившееся в результате приближавшейся общей исторической победы.

Воодушевленный результатами, полученными в Ялте, Рузвельт заверил Сталина, что американцы выведут свои войска из Европы после окончания войны. По возвращении в Вашингтон, выступая в Конгрессе 2-го марта, он был полон оптимизма: «Конгресс и американский народ одобряют результаты этой конференции (в Ялте) в качестве основы постоянной структуры мира». Он продолжал расхваливать своего «друга» Сталина, утверждая, что ему присущи черты «христианского джентльмена», которые, по его мнению, тот приобрел в своем детстве во время учебы в религиозной школе.

Надо было быть ослабленным годами войны и болезнью президентом Соединенных Штатов, с его идеалистическими и одновременно наивными убеждениями, чтобы обнаружить христианские черты в советском диктаторе. (Другой пример подобной, чисто американской наивности, продемонстрировал годы спустя Рональд Рейган, который после

одной из американо-советских встреч в верхах утверждал в своем окружении, что Горбачев, признавшийся ему, что был крещен своей бабушкой, послал ему таким образом «сигнал бедствия» из враждебного ему Политбюро, где он был окружен «безбожными коммунистами»).

Тем не менее и Черчилль, которого никто не мог заподозрить в наивности и еще меньше в некоей слабости к большевизму, выражал энтузиазм в своей речи в Парламенте спустя пятнадцать дней после встречи в Ялте: «У меня впечатление, что маршал Сталин и советские руководители хотят жить в дружбе и достойном равенстве с западными демократиями. Я не знаю правительства, которое бы так крепко держало свои обещания, даже в ущерб своим интересам, как советское».

Однако по мере того, как взаимные обязательства, взятые в Ялте, начали претворяться в жизнь, эйфория, царившая на крымском саммите, начала испаряться. Очень скоро у западных партнеров Сталина начали возникать претензии к советскому руководству. Уже 13 марта Черчилль в письме к Рузвельту говорит о «полном фиаско того, что было достигнуто в Ялте».

Речь шла о разногласиях в вопросе о формировании будущего польского правительства. В своих «Мемуарах» Черчилль приводит ответ на его письмо Рузвельта, забывшего о своих восхвалениях Сталина: «Любое решение, которое привело бы к сохранению нынешнего режима в Варшаве

(состоящего исключительно из членов просоветского правительства в Люблине), неприемлемо и побудит народ США считать Ялтинское соглашение неудачей».

Сталин действительно согласился подписать вместе с Рузвельтом и Черчиллем совместную «Декларацию об освобожденной Европе», провозглашавшую принцип свободных выборов в странах Восточной Европы, – их результатом должно было стать создание независимых правительств. Но это не превратило Кобу², начинавшего свою революционную деятельность с участия в вооруженной экспроприации тифлисских банков, в христианского джентльмена.

Этому верному ученику Ленина ничто не мешало быть одновременно последователем Отто фон Бисмарка, и в основу своей внешней политики он мог вполне заложить формулу «железного канцлера», который утверждал, что крупные государственные вопросы всегда решаются силой, потому что сила идет впереди права. В конце войны, принимая в Кремле посланца маршала Тито Милована Джиласа, Сталин заметил: «Эта война особая: страна, которая оккупирует территорию, устанавливает на ней свою систему». Таким образом, Европа, освобожденная союзниками, представляла собой, с его точки зрения, лишь военный трофей, который должны были поделить между собой победители.

И потому для него представлялось логичным установле-

² Псевдоним Иосифа Джугашвили в годы его подпольной революционной деятельности на Кавказе. – *Примеч. ред.*

ние в Польше после ее освобождения Красной армией коммунистического режима, чтобы избежать появления на западной границе СССР правительства, враждебного Москве.

В соответствии с этой логикой во время переговоров в Ялте по польскому вопросу Сталин настаивал на признании его партнерами правительства, сформированного советскими властями в Люблине, сравнивая его лидера Берута с генералом де Голлем, которого англичане приютили в Лондоне.

Помимо до конца не урегулированных разногласий по польскому вопросу другим поводом для трений после Ялты стали подозрения Сталина относительно контактов американцев с немецким командованием за его спиной. В середине марта советское руководство узнало о секретных переговорах в Берне между представителями разведки США и посланным в Швейцарию Гиммлером генералом Карлом Вольфом о сепаратном соглашении, предусматривавшем возможность капитуляции немецких войск на севере Италии.

Помимо до конца не урегулированных разногласий по польскому вопросу другим поводом для трений после Ялты стали подозрения Сталина относительно контактов американцев с немецким командованием за его спиной.

В письме Рузвельту Сталин написал, что перспектива сепаратных соглашений с западными союзниками за спиной советской армии, «которая несет главную тяжесть в войне с Германией» уже позволили немецкому командованию пере-

бросить на восточный фронт с севера Италии три дивизии.

Рузвельт в ответном письме дал понять, что такие закулисные переговоры, если и были, то происходили и за его спиной и как джентльмен джентльмена заверил Сталина, что никакого закулисного соглашения без уведомления Москвы он не допустит. В своем ответе он написал, что «было бы одной из тяжелейших трагедий в истории, если в час, когда приближается наша общая победа, между нами проявится недостаточное доверие и возникнут взаимные подозрения, которые подорвали бы ценность нашего сотрудничества после тех колоссальных человеческих, а также материальных и финансовых затрат, которых они нам стоили».

Последнее послание Сталину от Рузвельта пришло за день до его смерти, 12 апреля. В своем письме в тот же день Черчилль просил Рузвельта приказать генералу Эйзенхауэру отказаться от его решения направить американские войска к Баварии вместо того, чтобы двигаться на Берлин в надежде опередить Красную армию. В своем ответе, написанном им в день смерти, Рузвельт отказывался следовать совету британского премьера и выражал пожелание, чтобы англичане не драматизировали излишне советскую проблему.

Черчилля он не переубедил. Обращаясь в конце апреля уже к преемнику Рузвельта Гарри Трумэну, он убеждал того срочно двинуть в сторону Праги американские войска, находившиеся в Пльзене, чтобы не дать Красной армии освободить столицу Чехословакии. Спустя несколько дней он вновь

предложил Трумэну пересмотреть решение об отводе американских войск, которые продвинулись дальше линии демаркации, согласованной союзниками.

Одновременно, не слишком полагаясь на своих американских союзников, Черчилль, как позднее сам признавался, приказал собирать оружие немецких войск, сдавшихся сотен тысяч, маршалу Монтгомери и «складировать его для возможной последующей раздачи немецким солдатам и использования против советских войск в случае их дальнейшего продвижения».

В начале мая 1945-го он тайно предложил своему генштабу разработать план атаки против СССР, начиная с 1 июля (фактически британский вариант гитлеровского плана Барбаросса), с участием 47 британских и американских дивизий, подкрепленных 10 немецкими дивизиями. И уже после окончания войны в канун Потсдамской конференции, как он подтверждает в своих мемуарах, британский премьер выступал против того, чтобы отвод американских и английских войск к согласованным линиям разграничения позволил России «утвердиться в сердце Европы, что стало бы фатальной угрозой для человечества».

Союзники-соперники

Из этого видно, что едва страшная угроза, нависавшая над судьбой их стран, исчезла, прежние предубеждения и более глубокие противоречия, разделявшие союзников, вышли на первый план. В своей книге «Цепная реакция холодной войны»³ французский историк Лилли Марку приводит слова Сталина, отдававшего себе отчет в принципиальном изменении ситуации: «Антифашистская коалиция была порождена наличием общего врага – Адольфа Гитлера, объявившего войну, чтобы установить свое господство в Европе. После того как этот объединительный фактор исчезнет, понадобится пересмотреть отношения между членами коалиции на новой основе. Это будет непросто».

В возвращении довоенных антагонизмов не было ничего удивительного. Если что-то было новым, так это то, что два несовместимых взгляда на мир принадлежали двум главным победителям в войне: США и Советскому Союзу.

Историческая победа, которой они были обязаны друг другу, полностью изменила их положение на мировой арене, возведя их в статус двух главных властителей мира. Эта ситуация ставила их руководителей перед выбором: либо найти способ договориться и объединить свои усилия в духе сотрудничества, установившегося во время войны, либо идти

³ Marcou Lilly. *La guerre froide: L'engrenage*:1947. – Bruxelles, 1987.

на риск столкновения, рассчитывая одолеть противника.

При этом надо напомнить, что итог, с которым обе страны вышли из войны, сильно различался. В сравнении с колоссальными потерями Советского Союза (более 27 миллионов погибших) число американцев, павших в боях (330 тысяч), было относительно невелико. На одного павшего американского солдата советским людям приходилось оплакивать 85–90 своих жертв. В то время, как ВВП СССР рухнул на 40 %, в Соединенных Штатах он увеличился вдвое. Война оставила разрушенными огромные территории Советского Союза, в руины были превращены 1700 городов и 10 000 деревень, выведены из строя 70 % его промышленности и 60 % транспортного сообщения. Двадцать пять миллионов жителей остались без крова.

На одного павшего американского солдата советским людям приходилось оплакивать 85–90 своих жертв. В то время, как ВВП СССР в результате войны рухнул на 40 %, в Соединенных Штатах он увеличился вдвое.

Прагматично полагая, что долг солидарности по отношению к его советскому союзнику заканчивается с концом войны, Гарри Трумэн без лишних церемоний и даже предупреждения подписал 8 мая (в день капитуляции рейха) декрет о прекращении кредитов ленд-лиза Советскому Союзу. Правда, несколько дней спустя он заявил, что передумал – возможно, после того как в Белом доме вспомнили об обещании Сталина Рузвельту вступить в войну против Японии на

стороне США.

Будет легче понять стратегический расчет этого бывшего сенатора от штата Миссури, если вспомнить его высказывания в интервью газете *New York Times* от 24 июля 1941 года спустя месяц после нападения гитлеровской армии на СССР: «Если мы увидим, что Германия выигрывает войну, мы должны помочь России. В случае если побеждает Россия, мы обязаны поддержать Германию и таким образом позволить им истреблять друг друга, сколько возможно».

Об успешном испытании атомной бомбы в пустыне в Нью Мексико, состоявшемся 16 июля, он узнал в самолете, которым летел в Потсдам. На следующий день он поделился новостью с Черчиллем, который в разговоре со своим министром иностранных дел Иденом скажет: «Это означает, что американцы больше не нуждаются в участии России в войне против Японии и не хотят этого».

Однако пересматривать договоренности, достигнутые в Ялте, было уже поздно. В соответствии с ними еще в апреле СССР денонсировал пакт о ненападении с Японией и приступил к сосредоточению войск на своих дальневосточных границах.

В ночь с 1-го на 2 августа, когда закончилась Потсдамская конференция, договоренность о предстоящем вступлении СССР в войну с Японией была еще раз подтверждена Сталиным, тем более что накануне руководство Японии отвергло направленное ему требование о безоговорочной ка-

питуляции. Кроме того, помимо впечатляющих сил японской армии, готовившихся защищать ее территорию на островах, войска, сосредоточенные на севере Китая, в Манчжурии и Корее, составляли 1 млн 200 тыс. человек.

Использование американцами атомной бомбы против Хиросимы не только приблизило капитуляцию японского генштаба, но и ускорило вступление СССР в войну. Советские войска перешли в наступление на Дальнем Востоке в день взрыва бомбы над Нагасаки.

Япония заявила о капитуляции 10 августа, но японское военное министерство, отказываясь согласиться с требованиями американцев, которые не гарантировали сохранение в стране монархии, еще в течение нескольких дней выступало с призывами к продолжению «священной войны». Только 14 августа император выступил с заявлением о прекращении сопротивления.

Однако поскольку это заявление было адресовано только западным державам, советское правительство заявило, что оно продолжит свое наступление в Манчжурии, Корее и на Сахалине до тех пор, пока японцы не сложат оружие. Восемнадцатого августа советские войска высадились на Курильских островах. Акт о капитуляции Японии был подписан 2 сентября, ставшем датой окончания Второй мировой войны.

Разумеется, с точки зрения Вашингтона именно применение США атомной бомбы сыграло решающую роль в оконча-

нии войны на Тихом океане и изменило мировой стратегический баланс сил, позволив американцам считать, что ялтинские и потсдамские соглашения в значительной мере утратили силу.

Как написал в своей книге Лорд Блэкетт, член Консультативного комитета по атомной энергии при правительстве Ее Величества, «использование США атомного оружия было не финальным военным аккордом Второй мировой войны, а первым актом начавшей разгораться дипломатической холодной войны».

Президент Трумэн исходил из того, что Америка вышла из войны первой мировой державой, у которой не осталось соперников. Сталин, со своей стороны, надеялся, что формула тройственного союза останется моделью совместного управления международной политикой после войны.

Оказавшись во главе страны, которая обзавелась самым разрушительным оружием, какое только знала история, президент Трумэн был убежден, что Америка вышла из войны первой мировой державой, у которой не осталось соперников.

Сталин, со своей стороны, находясь на вершине триумфа в качестве главного победителя фашистской гидры, надеялся, что формула тройственного союза, собравшегося в Ялте, чтобы перекроить карту мира, останется моделью совместного управления международной политикой после войны.

Учитывая колоссальные жертвы, принесенные советским народом на алтарь победы, он не мог принять второстепенную роль в мире, главой которого собирался провозгласить себя американский президент. Конфликт между двумя недавними братьями по оружию казался неизбежным, хотя первоначально он ограничивался словесными выпадами.

Несмотря на то что истоки открытой конфронтации между союзниками принято относить к началу 1946 года, когда были произнесены две речи – Сталина в феврале в Большом театре и Черчилля месяц спустя в Фултоне, – ее первый залп прозвучал в выступлении президента США в октябре 1945 года.

В своей речи в Нью-Йорке 27 октября по случаю Дня флота Гарри Трумэн сформулировал двенадцать пунктов, на которых, по его замыслу, будет основана американская внешняя политика. Он заявил, что США никогда «не пойдут на компромисс со злом» и бросил прямой вызов Сталину на востоке Европы, предупредив, что американское руководство «откажется признать любое правительство, навязанное в этом регионе иностранной державой». Заодно президент США воспользовался случаем, чтобы объявить всему миру, что мощь американского флота «не имеет аналогов во всей предыдущей истории».

Его советский коллега, хотя и возведенный в ранг генералиссимуса, не мог похвастать столь впечатляющим военным потенциалом. Его главный козырь – Красная армия –

вышла из войны обессиленной. В этой драматической ситуации, когда на горизонте маячило противоборство с бывшими союзниками, главной заботой Сталина было сосредоточить усилия на восстановлении экономики и промышленности страны, необходимых условиях возрождения ее военного потенциала.

Как известно из истории, лучший способ мобилизовать общественное мнение любой страны и общество в целом для достижения таких целей – это использовать внешнюю угрозу, которая, заставив население поверить в смертельную опасность, поможет превращению страны в крепость, осажденную новыми врагами. Он, возможно, вдохновлялся рецептом, сформулированным его наставником Лениным, который в декабре 1921 года заявлял: «Первая заповедь нашей политики – это не забывать, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают по отношению к нам самую лютую ненависть».

Этот ленинский урок объяснил тональность, избранную Сталиным для его выступления 9 февраля 1946 года в Большом театре на встрече с избирателями. Разумеется, речь прославляла исторический подвиг советского народа, напоминая о жертвах, принесенных ради победы. Эту победу Сталин объяснял прежде всего «советской социальной системой, доказавшей свое превосходство над любой другой системой организации общества».

Но после такого вступления содержавшийся в речи идео-

логический анализ международного положения четко указывал на новую угрозу: «Именно капитализм несет с собой кризисы и войны», – провозглашал Сталин, объявляя также, что отношения Советского Союза с западным миром входят в период конфронтации и антагонизма.

По его мнению, поскольку природа капитализма враждебна СССР, в обозримом будущем неизбежный конфликт двух систем неотвратимо повлечет за собой столкновение между капиталистическим и социалистическим мирами. Отсюда необходимость мобилизации всех сил в странах соцлагеря для восстановления экономики и прежде всего – тяжелой промышленности.

Не только Сталин предсказывал неизбежность конфликта СССР с недавними союзниками. О возможности третьей мировой войны не прекращал говорить в своем окружении и командующий американской армией во время битвы в Нормандии генерал Паттон.

Не только Сталин предсказывал неизбежность конфликта СССР с недавними союзниками. О возможности третьей мировой войны не прекращал говорить в своем окружении и командующий американской армией во время битвы в Нормандии генерал Паттон, тот самый, который отказался пожать руку «кровавым большевикам» во время встречи с советскими военными.

Тем не менее трудно было заподозрить Сталина в наме-

рении вступить в войну против Запада в это время. Страна была к ней не готова не только психологически, но и с чисто военной точки зрения: с 12 миллионов военных в 1946 году Красная армия в конце 1948 года сократилась до 3 миллионов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.